

НОВЫЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

© 2018 г. Е.В. Суханов*, А.Н. Свиридов**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

* E-mail: sukhanov_ev@mail.ru

** E-mail: a_sviridov@mail.ru

Поступила в редакцию 16.06.2016 г.

В статье публикуются материалы 10 ингумационных погребений, исследованных в 2015 г. в ходе охранно-спасательных раскопок поселения Варнавинское-3 (Абинский р-он Краснодарского края). Наличие датирующих вещей позволяет разделить весь массив погребений на несколько условных хронологических групп: середина V – первая половина VI в.; вторая половина VI – рубеж VII–VIII вв.; VIII–IX вв. (последнюю формирует одно погребение). Культурная специфика погребений поселения Варнавинское-3 определяется преобладанием ориентировки погребенных головой в северный сектор. Прямые аналогии по этому компоненту погребального обряда в комплексах V–VII вв. Западного Предкавказья немногочисленны.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Западное Предкавказье, Варнавинское-3, северная ориентировка.

DOI: 10.31857/S086960630003393-1

В июле-сентябре 2015 г. совместная экспедиция ИА РАН и АНО “Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия” (г. Саратов) провела охранно-спасательные археологические раскопки на поселении Варнавинское-3 в Абинском р-оне Краснодарского края (рис. 1).

Поселение расположено в 3 км к северу от северо-восточной окраины с. Варнавинское Абинского р-она Краснодарского края, занимает склон первой надпойменной террасы р. Сухой Аушедз (левый приток р. Кубань). В ходе работ был изучен культурный слой памятника в зоне сооружения строительных объектов на площади 5769 м². Их предварительные итоги показали, что на памятнике имеются культурные отложения римского времени, Средневековья и Нового времени. Помимо объектов, связанных с функционированием поселения, было изучено 22 захоронения, совершенных по обряду ингумации. Настоящая статья посвящена предварительной характеристике и введению в научный оборот 10 комплексов, содержавших вещевой инвентарь¹.

¹ В силу ограниченности объема статьи мы публикуем только материалы комплексов, содержавших вещевой инвентарь.

Все объекты, выявленные на памятнике в ходе исследований, имеют единую нумерацию. В силу этого в статье будут приведены обозначения, присвоенные погребениям еще на этапе полевых работ, с использованием дефиниции “объект”.

Объект 7 (рис. 2, А). Глубина фиксации костяка – 0.67 м от уровня дневной поверхности. Форму и конструкцию погребального сооружения проследить не удалось. Погребенный (рис. 2, А, 1) лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на север. Правая рука вытянута вдоль туловища. Череп раздавлен, отсутствуют некоторые кости левой руки, ребра, пальцы правой руки, а также кости стоп. В районе подбородка погребенного находились две янтарные бусины (рис. 2, А, 2, 3), одна из которых была расколота на две части.

Объект 13 (рис. 2, Б). Глубина фиксации костяка – 0.34 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. В погребении (рис. 2, Б, 4) сохранились лишь фрагментированный череп, часть плечевой кости левой руки, несколько позвонков. Судя по расположению зафиксированных останков, погребенный лежал головой на север. В районе грудного отдела расчищен

Рис. 1. Расположение памятника.

Fig. 1. Varnavinskoe-3 settlement on the map

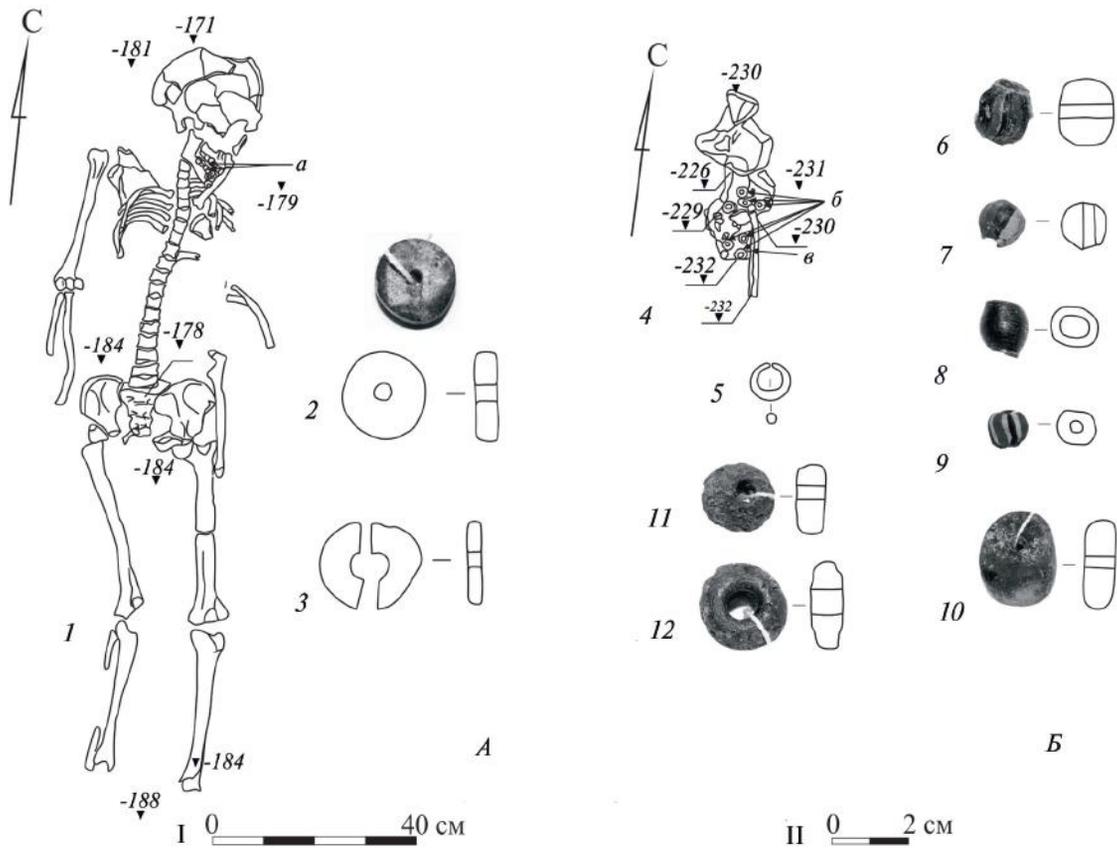

Рис. 2. План и вещевой комплекс объектов 7, 13. А (1–3) – объект 7; Б (4–12) – объект 13. Масштаб: I – 1, 4; II – 2, 3, 6–12. Условные обозначения: а – бусы янтарные (2 шт.); б – бусы; в – серьга.

Fig. 2. Plan and finds that are attributed to objects 7, 13

комплекс, состоящий из одной цельнолитой калачиковидной серьги (рис. 2, Б, 5), трех янтарных (рис. 2, Б, 6–8) и шести стеклянных бусин (рис. 2, Б, 9–12).

Объект 38 (рис. 3, А). Глубина фиксации погребения – 0,77 м от уровня дневной поверхности. Могильная яма имеет подпрямоугольную форму с закругленными краями и ориентирована продольной осью по линии северо–восток–юго–запад. Проследить в ходе зачисток лежавших выше пластов уровень пятна могильной ямы не удалось, в следствии чего установленная глубина погребального сооружения в зафиксированном виде составляет около 0,05 м, что, разумеется, существенно отличается от ее изначальной глубины. Дно ямы ровное. Стенки имеют незначительный наклон вовнутрь. На дне ямы расположен костяк, ориентированный головой

по направлению на северо–восток (рис. 3, А, 1). Левая рука вытянута вдоль туловища, правая – слегка согнута в локте, в результате чего кисть находится в районе таза. Череп фрагментирован. Отсутствуют позвонки, ребра, кисть левой руки, левая тазовая кость, некоторые кости ног.

В погребении выявлен следующий сопутствующий инвентарь. На черепе и слева от него располагались две серьги с напускным 14-гранником (рис. 3, А, 2, 3). В районе плеч лежали три двупластинчатые фибулы² (рис. 3, А, 4), чуть ниже которых располагалось скопление крупных янтарных призматической формы бусин (8 шт.) (рис. 3, А, 5), а под ним – скопление из 12 цилиндрических бисерин зеленого цвета (рис. 3, А, 6).

² Публикуется одна. Еще две фибулы на момент написания статьи были законсервированы и их прорисовки отсутствуют.

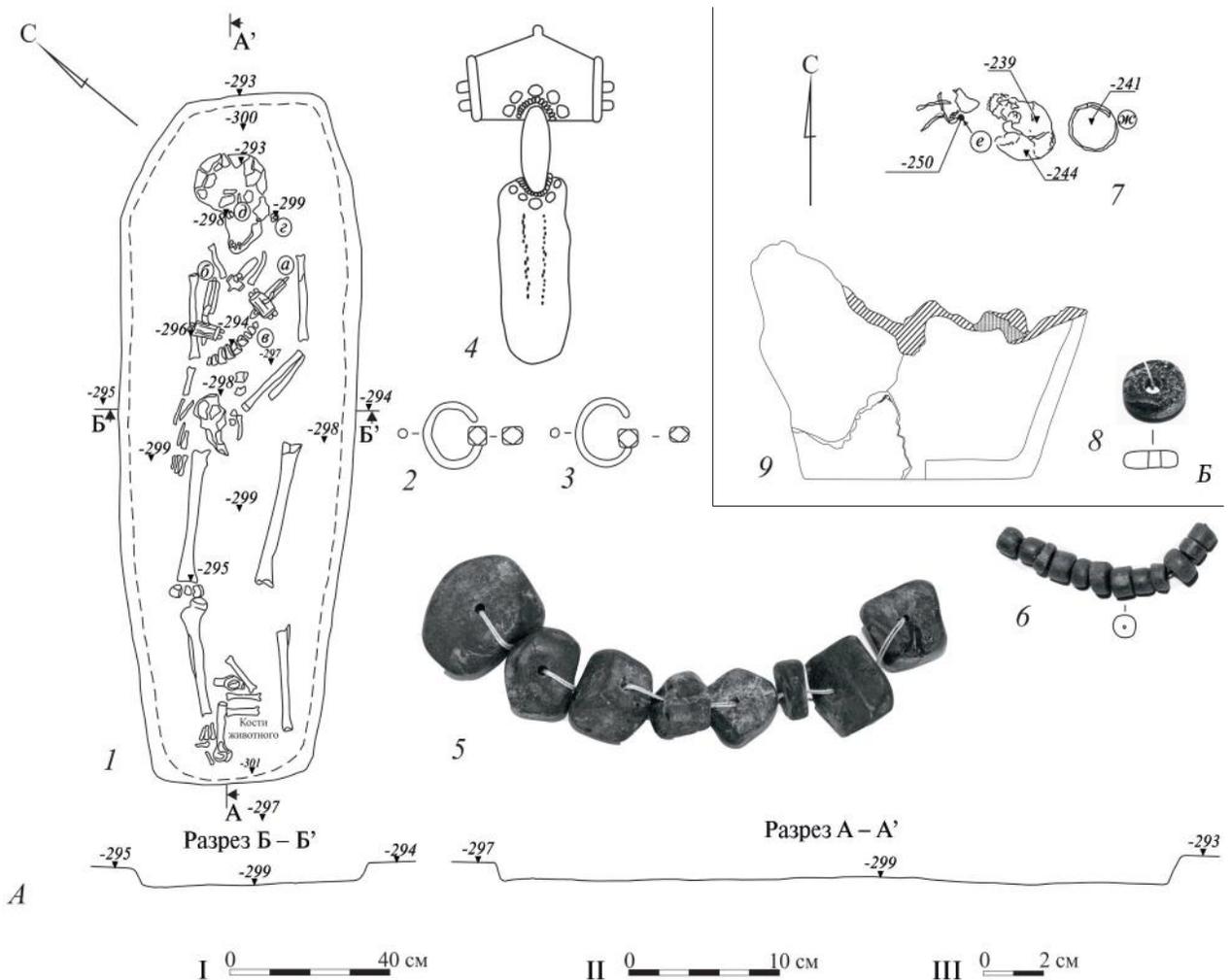

Рис. 3. План и вещевой комплекс объектов 38, 68. А (1–6) – объект 38; Б (7–9) – объект 68. Масштаб: I – 1, 7; II – 9; III – 2–6, 8. Условные обозначения: а, б – фибулы; в – бусы; г – серьги; д – бисер; е – бусина; ж – сосуд.

Fig. 3. Plan and finds that are attributed to objects 38, 68

В ногах у погребенного располагалось компактное скопление костей мелкого рогатого скота.

Объект 68 (рис. 3, Б). Глубина фиксации погребения – 1.12 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. В погребении сохранились череп, одна лопатка и несколько ребер. Судя по расположению зафиксированных останков, погребенный лежал головой на восток. К западу от черепа располагалась одна янтарная бусина (рис. 3, Б, 8), к востоку – нижняя часть лепного сосуда горшковидной формы (рис. 3, Б, 9).

Объект 97 (рис. 4). Глубина фиксации погребения – 0.66 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. Погребенный (рис. 4, 1) располагался вытянуто на спине, был ориентирован

головой на север-северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища. Анатомический порядок расположения костей в целом сохранен, незначительно сдвинуты с места некоторые ребра. Отсутствуют некоторые кости стоп. В погребении был расчищен следующий вещевой комплекс. В 0.3 м к северо-востоку от черепа находился лощеный круговой кувшин (рис. 4, 2). Слева от черепа располагалось бронзовое спиралевидное кольцо (височное?) (рис. 4, 3). На левой руке, примерно между локтем и запястьем, находился бронзовый браслет (рис. 4, 4), рядом с которым лежала янтарная бусина (рис. 4, 5). Еще одна аналогичная бусина находилась около правого запястья (рис. 4, 6). Поверх левой большеберцовой кости располагалось бронзовое зеркало (рис. 4, 7), рядом с ним – треугольная бронзовая подвеска со

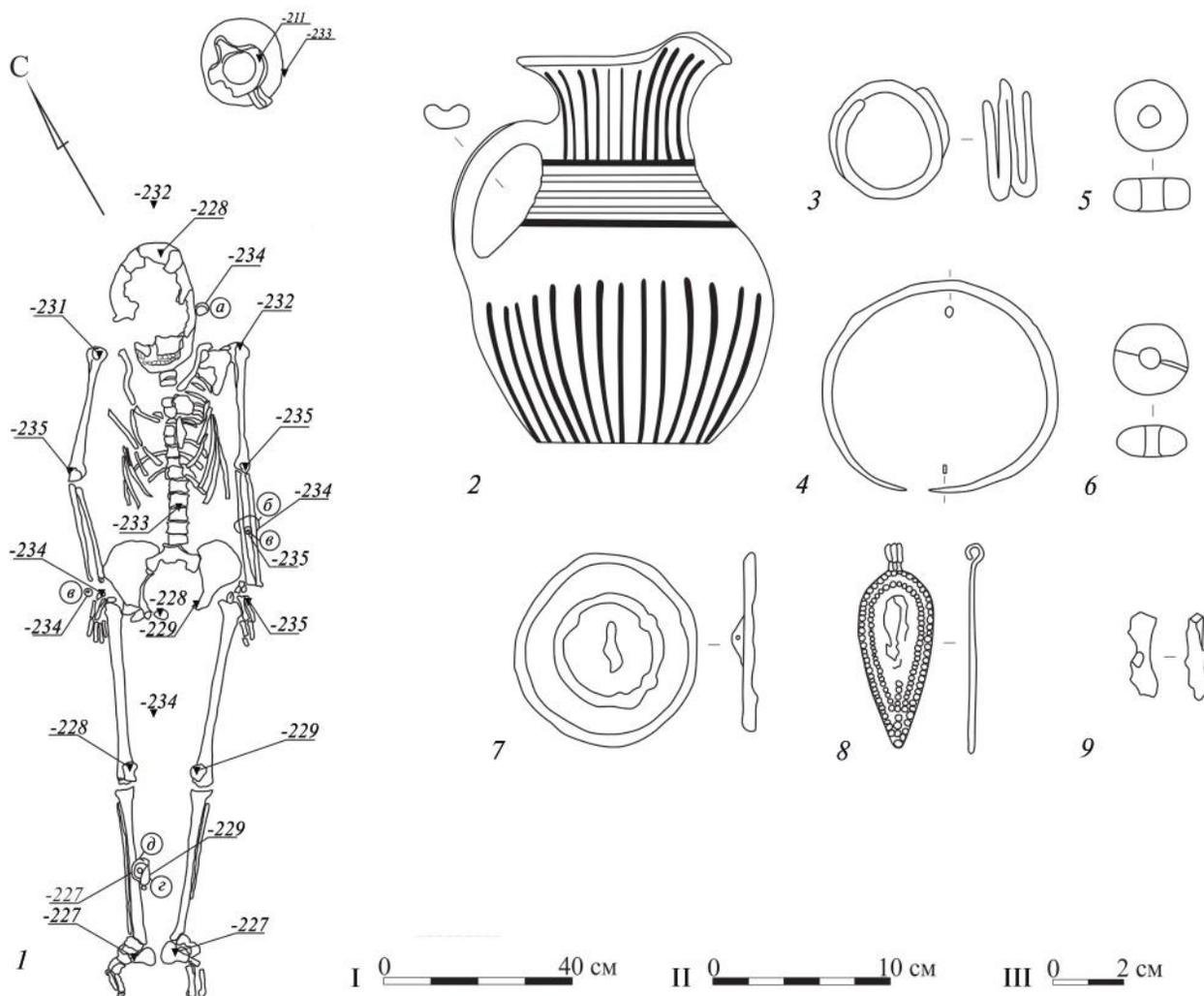

Рис. 4. План и вещевой комплекс объекта 97. Масштаб: I – I; II – 2; III – 3–9. Условные обозначения: а – серьга; б – браслет; в – бусины; г – подвеска; д – зеркало.

Fig. 4. Plan and finds that are attributed to object 97

стеклянной вставкой (рис. 4, 8). После полной фиксации погребения и снятия костей ориентировочно в районе таза было обнаружено стержневидное, слегка изогнутое железное изделие, возможно, — фрагмент рамки пряжки (рис. 4, 9).

Объект 102 (рис. 5). Глубина фиксации погребения — 1.79 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. Сохранность костей плохая, практически полностью отсутствуют кости грудного отдела, таза, правой ноги и стоп. Большеберцовая кость правой ноги существенно смещена по направлению на восток. Судя по расположению зафиксированных останков, погребенный (рис. 5, 1) лежал вытянуто на спине, головой на север. В 0.1 м к северо-востоку от черепа находился развал лощеного кругового сосуда (рис. 5, 2). Около левого предплечья погребенного располагалась Р-образная портупейная скоба (рис. 5, 3). В районе таза были расчищены литая пряжка с В-образной рамкой (рис. 5, 4), U-образная щитовидная поясная

бляшка с прорезью в верхней части (рис. 5, 5), железный нож (рис. 5, 6), фрагмент ремennого наконечника (рис. 5, 7), кроме того, здесь было найдено скопление тонких металлических фрагментированных и целых пластин. Одна из них имеет овальную форму и узкое сквозное отверстие и, вероятно, является ремennой накладкой (рис. 5, 8). Последние — трапециевидной и прямоугольной формы, у некоторых — края загнуты (рис. 5, 9, 10), возможно, они являются фрагментами ножен. Рядом с левой ногой погребенного располагался однолезвийный палаш (рис. 5, 11), южнее которого лежал фрагмент металлических ножен с сохранившимися остатками дерева внутри (рис. 5, 12). Здесь же находился фрагмент поясной бляшки, украшенной тремя круглыми вдавлениями (рис. 5, 13).

Объект 110 (рис. 6; 7). Пятно объекта зафиксировано на уровне материка. Глубина фиксации пятна погребения — 1.56 м от уровня дневной поверхности. Погребение (рис. 6, 1) совершено в яме подпрямоугольной формы с закругленны-

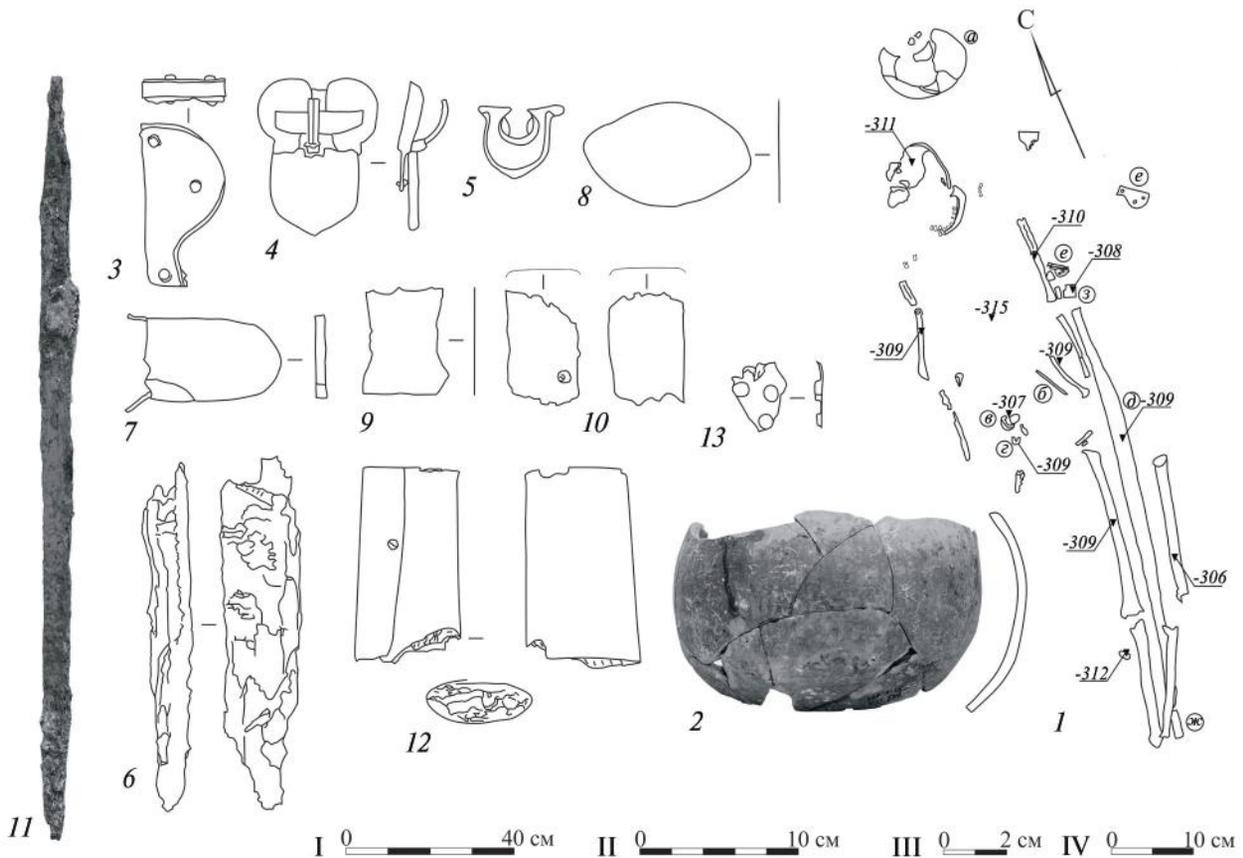

Рис. 5. План и вещевой комплекс объекта 102. Масштаб: I — 1; II — 2; III — 3–10, 12, 13; IV — 11. Условные обозначения: а — развал сосуда; б — нож; в — пряжка; г — бляшки; д — сабля; е — портупейная скоба; жс — ножны; з — ремennой наконечник.

Fig. 5. Plan and finds that are attributed to object 97

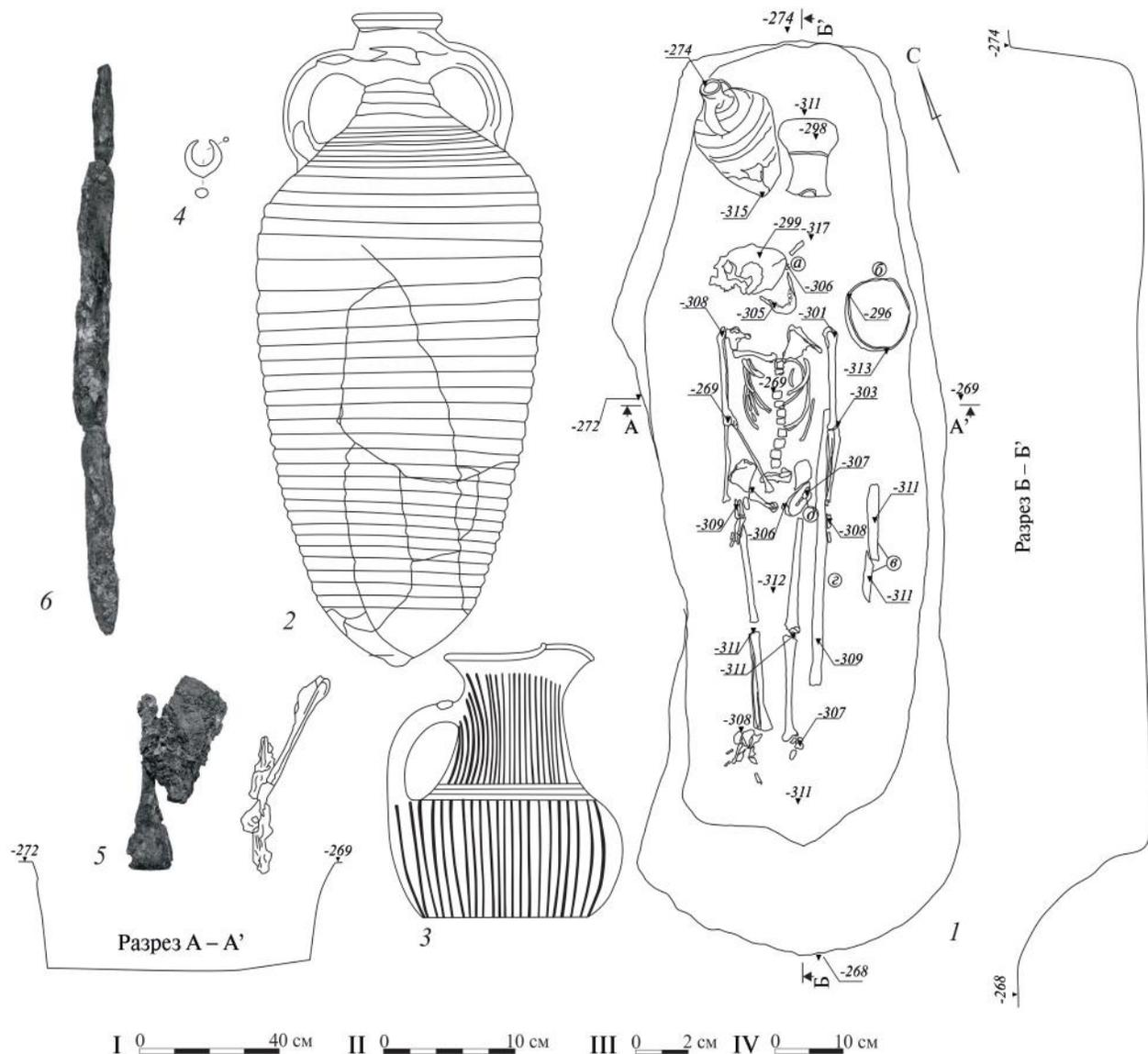

Рис. 6. План и вещевой комплекс объекта 110. Масштаб: I – 1, II – 2, 3; III – 4, 5; IV – 6. Условные обозначения: а – серьга; б – железный шлем; в – нож; г – меч; д – пинцет.

Fig. 6. Plan and finds that are attributed to object 110

ми краями, ориентированной продольной осью по линии север-юг. Глубина ямы – 0.35–0.40 м. Дно ямы относительно ровное. Северная, западная и восточная стенки – почти отвесные. Южная стенка имеет значительный наклон вовнутрь. На дне ямы располагался погребенный, лежавший вытянуто на спине, головой – на север-северо-восток. Анатомический порядок расположения костей, в целом, сохранен. В погребении был зафиксирован следующий вещевой комплекс. В 0.15 м к северу-северо-востоку от черепа располагалась красноглиняная амфора с желобчатым туловом (рис. 6, 2) и лощеный круговой кувшин (рис. 6, 3). Амфора была

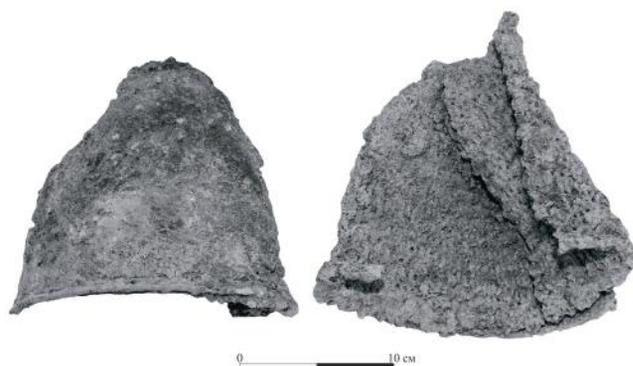

Рис. 7. Шлем из объекта 110.

Fig. 7. The helmet from object 110

оперта о северную стенку могильной ямы, кувшин лежал на ее дне. Слева от черепа находилась цельнолитая калачиковидная серьга (рис. 6, 4). В 0.1 м к востоку от левого плеча погребенного располагался сфероконический железный шлем, залегавший в перевернутом виде (рис. 7). В районе таза расчищен бронзовый пинцет с прикипев-

шим к нему железным пластинчатым предметом (рис. 6, 5). Слева от погребенного располагался однолезвийный палаш (рис. 6, 6).

Объект 137 (рис. 8, А). Глубина фиксации погребения – 0.94 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. Погребенный (рис. 8, А, 1)

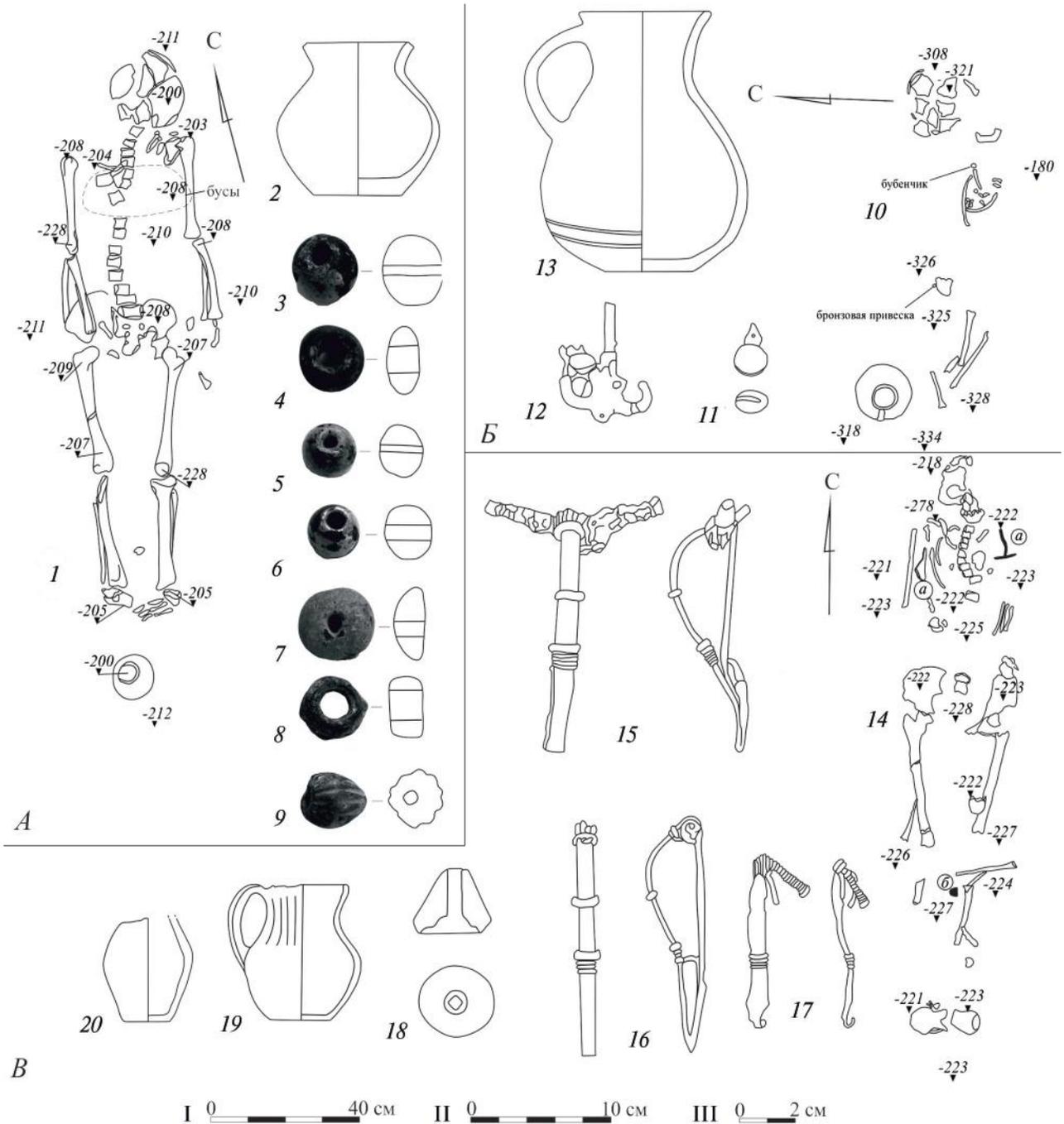

Рис. 8. План и вещевой комплекс объектов 137–139. А (1–9) – объект 137; Б (10–13) – объект 138; В (14–20) – объект 139. Масштаб: I – 1, 10, 14; II – 2, 13, 19, 20; III – 2–9, 11, 12, 14–18. Условные обозначения: а – бронзовая фибула; б – пряслице.

Fig. 8. Plan and finds that are attributed to objects 137–139

располагался вытянуто на спине, был ориентирован головой по направлению на север-северо-восток. Череп фрагментирован, отсутствуют ребра, ключица, некоторые пальцы рук. Вещевой комплекс погребения включал в себя миниатюрный лепной горшок (рис. 8, А, 2), расчищенный в 0.1 м к юго-западу от стоп, а также семь бусин (одна янтарная, шесть стеклянных), располагавшихся в районе грудного отдела погребенного (рис. 8, А, 3–9).

Объект 138 (рис. 8, Б). Глубина фиксации погребения – 0.74 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. Степень сохранности костей низкая. Вероятно, погребенный лежал вытянуто на спине и был ориентирован головой по направлению на восток. Кроме фрагментированного черепа, сохранились несколько ребер (вне анатомического порядка), четыре кости ног и одна тазовая кость (рис. 8, Б, 10). Рядом с ребрами располагался один бронзовый бубенчик каплевидной формы (рис. 8, Б, 11). Рядом с тазовой костью расчищена Т-образная металлическая подвеска с загнутыми краями, к которой прикипел аналогичный описанному выше каплевидный бубенчик (рис. 8, 12). В 0.1 м к северо-западу от малоберцовой кости располагался лощеный круговой кувшин без слива (рис. 8, 13).

Объект 139 (рис. 8, В). Глубина фиксации погребения – 0.88 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. Погребенный (рис. 8, В, 14) лежал вытянуто на спине, был ориентирован головой на север. Отсутствуют некоторые ребра, позвонки, кости рук, малоберцовая и большеберцовая кости правой ноги, стопы. Вещевой комплекс представлен следующим образом: в районе груди погребенного находились две прогнутые подвязные фибулы и фрагмент еще одной (рис. 8, В, 15–17); около колен – биконическое глиняное пряслице (рис. 8, В, 18); в 0.15 м к югу от ног погребенного лежали два миниатюрных сосуда – лощеный круговой кувшин и биконический лепной горшок (рис. 8, В, 19, 20).

Выявленный в погребениях вещевой комплекс включает разные категории находок. Предметы вооружения и воинского доспеха представлены находками железного шлема (объект 110), двух клинковых орудий (объекты 102, 110), одно из которых (объект 102) – с фрагментом ножен, и портупейной скобы. Шлем (рис. 7) имеет сфероконическую форму, внутри него на-

ходила кольчужная бармица. Судя по сообщению А.В. Дмитриева, шлемы встречались в захоронениях могильника Дюрсо (1979. С. 55). Один из них опубликован, однако морфологически он отличается от шлема, происходящего с поселения Варнавинское-3, и относится к комплексу IX в. (Дмитриев, 2003. С. 256. Табл. 89, 51). Палаш, найденный в ходе работ на объекте 102 (рис. 5, 11), имеет однолезвийный прямой клинок, подпрямоугольную ручку без перекрестия. Его общая длина – 93 см. Палаш, относящийся к объекту 110 (рис. 6, б), обладает прямым обоюдоострым клинком; его полная длина – 79 см. Портупейная скоба (рис. 5, 3) Р-образной формы, выполнена из тонких металлических пластин; на ее поверхности – три округлых выступа. В одном со скобой погребении также был обнаружен фрагмент ножен подпрямоугольной в плане и овальной в поперечном сечении формы, внутри которого находились остатки дерева (рис. 5, 12). Схожие однолезвийные палаши часто встречаются в воинских захоронениях Восточной Европы VI–VII вв. (Хрисимов, 2009. С. 19). Они входили в состав погр. 95, 105 могильника Южная Озерейка, погр. 100 могильника Дюрсо (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 252. Табл. 85, 1), могильников Ясиново, Арцибашево, Епифанов (Комар и др., 2006. С. 185. Рис. 44, 7–9) и др. Ближайшая аналогия Р-образной портупейной скобе происходит из погр. 30 Борисовского могильника (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 245. Табл. 78, 65), морфологически близкие находки обнаружены в погребениях могильников Арцибашево и Виноградного, датирующихся также в пределах VII в. (Комар и др., 2006. С. 361. Рис. 49, 18, 35).

К элементам поясной гарнитуры относятся остатки ременного набора из объекта 102. Из целиком сохранившихся предметов в него входят поясная пряжка с В-образной рамкой и пятиугольным щитком (рис. 5, 4) (подтип 5 типа 6 отдела V по В.Б. Ковалевской: 1979. Табл. 19, 8), U-образная литая щитовидная бляшка с прорезью (рис. 5, 5). Вероятно, к числу поясных накладок относятся обнаруженные в погребении пластины разнообразной формы, изготовленные из очень тонкого металлического листа. Одна из них – овальной формы, на ее поверхности имеется тонкое сквозное отверстие (рис. 5, 8). Еще один предмет из погребения может представлять собой фрагмент так называемой Т-образной двурогой бляшки, лицевая поверхность которой украшена несколькими круглыми вдавлениями

(рис. 5, 13). Круг аналогий предметам поясной гарнитуры довольно широк и включает в себя раннесредневековые могильники и отдельные погребения с территории Крыма, Кавказа, Приазовья. Географически близкие аналогии поясной гарнитуры происходят из комплексов VII в. Борисовского могильника (Саханев, 1914. С. 129. Рис. 20, 2, 17; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 245. Табл. 78, 45), Пашковского могильника (Анфимов, 1941. С. 219. Табл. XXXVI, 9; Покровский, 1936. С. 164. Рис. 5), захоронений второй половины VI – VII в. могильника Дюрсо (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 250. Табл. 83, 1), первой половины VII в. Скалистинского могильника (Айбабин, 1999. С. 316. Табл. XXX, 13). На Кавказе такая гарнитура встречается на территории Кавказских Минеральных Вод, Северной и Южной Осетии (Ковалевская, 1995. С. 158. Рис. 12; Дзаттиаты, 1995. Табл. 1, 1; 2, 24). Аналогичные пряжки входили в состав вещевых комплексов ряда погребений, происходящих с территории Северо-Западного Приазовья и датирующихся в пределах VII в. (Комар, 2006. С. 378. Рис. 3, 1; Комар и др., 2006. С. 361. Рис. 49, 3, 20).

К поясной гарнитуры относится также фрагмент наконечника ремня из объекта 102 (рис. 5, 7). Он полый, состоит из двух тонких пластин, соединенных между собой при помощи ободка. Аналогия этому предмету известна в материалах Борисовского могильника (Саханев, 1914. С. 129. Рис. 20, 3).

Украшения в исследованных погребальных комплексах представлены серьгами, бусами, браслетом. Обнаружены серьги двух типов. К первому относятся цельнолитые калачиковидные, происходящие из объектов 13, 110 (рис. 2, Б, 5; 6, 4; тип 1 отдела 1 по В.Б. Ковалевской). Они были широко распространены в раннесредневековых древностях Кавказа, Крыма (Ковалевская, 1995. С. 150. Рис. 6, 1) и Волго-Камья (Богачев, 1996. С. 114. Рис. 8). Их датировка определяется в рамках IV–VII вв. (Ковалевская, 1995. С. 150). Второй тип представлен двумя идентичными овальными серьгами с напускным 14-гранником, происходящими из объектов 38 (рис. 3, А, 2, 3). Ареал их распространения также весьма широк, а датировка укладывается в диапазон IV–IX вв. (Ковалевская, 1995. С. 155, 156). Однако можно отметить, что в Крыму такие серьги бытовали в V – первой половине VII в. (Айбабин, 1984. С. 112, 113. Рис. 1, 36). Выразительная серия аналогий происходит из захоронений V – первой

половины VI в. могильника Лучистое (Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 42, 50. Рис. 22, 17; 26, 14, 15, 22, 24).

Янтарные бусы достаточно однотипны, на основании их размера и формы выделяются два основных варианта. Крупные призматические бусины из объекта 38 (рис. 3, А, 5) по форме и размерам соотносятся с МЕР 37 по В.Б. Ковалевской (1998. Рис. 1, 37), по данным которой большая часть находок таких бус происходит из захоронений V–VI вв. (1998. С. 30). Второй тип янтарных бус представлен изделиями дисковидной формы диаметром около 2 см, часто встречающимися в материалах кавказских памятников, в частности, могильников Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 60, 61, 82. Рис. 14, 28, 29; 15, 7, 8; 27, 9 и др.) и Клинь-Яр (Мастыкова, 2001. С. 59. Рис. 1, 4). Их датировка недавно уточнялась на материалах могильника Клинь-Яр А.В. Мастыковой, приведшей к выводу о допустимости датирования таких бус второй третью V – второй третью VI в. (2001. С. 78, 79). Однако следует иметь в виду, что подобные янтарные бусы бытовали и в более позднее время. Стеклообразные бусы представлены следующими типологически определяемыми единицами: одной одноцветной темно-зеленой двусторонне усеченной бусиной (рис. 2, Б, 8), пятью шаровидными полосчатыми (МЕР 187; рис. 2, Б, 6, 7, 9), тремя шаровидными глазчатыми темно-синего цвета (МЕР 161; рис. 8, А, 3, 5, 6), тремя кольцевидными синего цвета с выпуклыми “глазками” (рис. 2, Б, 11, 12; 8, А, 8), одной шаровидной с ребристым туловом светло-зеленого цвета (МЕР 115). Ребристые бусы являются наиболее характерными в V–VI вв. для Восточного Крыма и Северо-Западного Кавказа, однако, они бытуют и в VIII–X вв. (Ковалевская, 2000. С. 19, 20). Полосчатые бусы появляются в V–VI вв., но широкое распространение получают также в более поздний период, связанный с существованием салтово-маяцкой культуры (Ковалевская, 2000. С. 55). Бисер обнаружен только в заполнении объекта 38 (рис. 3, А, 6). Бисерины зеленого цвета, цилиндрической формы, в поперечном сечении – круглые.

Единственный браслет происходит из объекта 97 (рис. 4, 4). Он имеет круглое сечение, края не замкнуты и уплощены. На них нанесены тонкие врезные насечки. Браслеты с уплощенными краями встречаются в погребениях VII в. Подобные предметы характерны для древностей

Западного Предкавказья IV–VII вв. (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 244. Табл. 77, 80).

Подвеска со стеклянной вставкой из объекта 97 (рис. 4, 8) имеет форму треугольника с округлым основанием. По краям изделие украшено двумя рядами орнамента, состоявшего из выпуклых точек. Два подобных предмета, один из которых является наиболее близким стилистически, происходят из катакомбы, входящей во вторую хронологическую группу (вторая половина VI – первая четверть VII в.: Афанасьев, Рунич, 2001. С. 152. Рис. 89, 9, 10; С. 35, 38). Еще одна аналогия подобной привески происходит из катакомбы рубежа VII–VIII – первой половины VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 195. Рис. 120, 43).

Спиралевидное кольцо из этого же комплекса имеет круглое поперечное сечение и находит свои аналогии в комплексе находок из могильника Мокрая Балка второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 88. Рис. 33, 3).

Группа, состоявшая из предметов одежды и туалетных принадлежностей, сформирована следующими находками. Фибулы из объекта 38 относятся ко 2 группе двупластинчатых фибул варианта Пб по А.К. Амброзу (1966. Табл. 13, 14), фибулы из объекта 139 схожи с изделиями 3 серии группы прогнутых подвязных фибул, украшенных декоративными проволочными кольцами (Амброз, 1966. Табл. 11, 17). Их датировка определяется многочисленными аналогиями двупластинчатым фибулам в комплексах могильника Дюрсо второй половины/конца V – первой половины VI в., а так же находками морфологически близких подвязных прогнутых фибул в комплексах V в. некрополей Крыма и Кавказа (Дмитриев, 2003. С. 201; 1979. Рис. 1, 17; Амброз, 1989. Рис. 13, 10; Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 50. Рис. 26, 6; Gavritukhin, Kazanski, 2010. P. 87, 89, 93. Fig. 4, 1, 2, 5, 6). Единственной находкой представлен пинцет, происходящий из объекта 110 (рис. 6, 5). Он имеет сквозное отверстие-петельку в верхней части и рабочую часть треугольной в плане формы. Близких аналогий предмету обнаружить не удалось. Зеркало из объекта 97 (рис. 4, 7) с петелькой по центру для подвешивания, украшенное одним концентрическим кругом, относится к таксону 2а по В.Б. Ковалевской и З.Х. Албеговой (Ковалевская и др., 2006. Рис. 1). Территориально близкие аналогии известны в могильниках Бжид (Ковалевская и др., 2006. Рис. 38), Дюрсо (Гавритухин, Пьянков,

2003. С. 250. Табл. 83, 94, 95). К рассматриваемой группе относятся бронзовая Т-образная привеска и каплевидные бубенчики. Эти предметы находят свои аналогии в погребениях VIII–IX вв. могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003. С. 254. Табл. 87, 20. С. 245. Табл. 78, 19, 21). Бубенчики распространены в многочисленных комплексах салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 109. Рис. 57).

Керамика изученных погребений разнообразна. Так, амфора из объекта 110 (рис. 6, 2) имеет желобчатое тулово. Горло расширяется кверху, завершается валикообразным слегка отогнутым наружу венчиком. Излом черепка красного цвета, в глине включения мелких светлых частиц. Поверхность сосуда покрыта светлым составом (ангоб?). На дне имеется небольшой округлый выступ. Указанные выше морфологические признаки позволяют отнести этот сосуд к одному из вариантов амфор типа 5 по ХК-71 (Антонова и др., 1971), выделенному А.В. Сазановым на материалах Ильичевки, датировка которых укладывается во вторую четверть VI – VII в. (2000. С. 224).

Столовая керамика представлена лощеными круговыми кувшинами (рис. 4, 2; 5, 2). Они имеют тонкие стенки и плотный черепок серого цвета. Место перехода тулова в горло у сосудов украшено врезными каннелюрами, поверхность кувшинов покрыта вертикальными узкими полосами лощения. Горловины завершаются выраженными сливами. Еще два лощеных сосуда представлены миниатюрными кувшинами (рис. 6, 3; 8, Б, 13). Один из них в придонной части декорирован врезными горизонтальными полосами. Горло расширяется кверху, слив отсутствует. Лепная керамика (рис. 3, Б, 9; 8, А, 2; В, 20) представлена биконическим туловом миниатюрного горшковидного сосуда, близким по форме, но немного отличающимся по пропорциям от сосуда из объекта 137, и нижней частью более крупного горшковидного сосуда из объекта 68. Сосуды, полученные при исследовании погребений поселения Варнавинское-3, по своим формам находят сходства с раннесредневековой керамикой Западного Предкавказья (Ковалевская, 1981. С. 185. Рис. 67; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 243–246, 248, 254. Табл. 76, 69; 77, 7; 78, 77; 79, 60, 61; 81, 19–21; 87, 16; Саханев, 1914. С. 138. Рис. 25; Анфимов, 1941. С. 219. Табл. XXXVI, 18), однако указать их точные аналогии затруднительно, что препятствует использова-

нию керамики для хронологической дифференциации комплексов.

Обзор вещевого инвентаря погребений поселения Варнавинское-3 демонстрирует их хронологическую неоднородность. Суммарно все они покрывают достаточно широкий диапазон второй половины V–VIII/IX в. Относительно узкие датировки дают отдельные категории находок, прежде всего, украшения и предметы одежды. Основываясь на их многочисленных аналогиях в закрытых комплексах Крыма и Кавказа, мы считаем возможным выделение в описанном выше массиве погребений нескольких условных хронологических групп.

К первой наиболее ранней следует отнести погребения из объектов 38 и 139 (см. выше). Остальной инвентарь из упомянутых погребений не имеет узко датирующего потенциала, что позволяет определить датировку этих захоронений ориентировочно в пределах второй половины V – первой половины VI в.

Во вторую хронологическую группу включены объекты 97, 102, 110. В связи с достаточно большим количеством вещей, обнаруженным в каждом из погребений, предпочтительнее рассматривать датировку комплексов отдельно.

Нижняя хронологическая граница вещевого комплекса объекта 97 определяется по подвеске со стеклянной вставкой, наиболее ранняя аналогия которой известна в катакомбе второй хронологической группы могильника Мокрая Балка, датирующейся второй половиной VI – первой четвертью VII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 152. Рис. 89, 9, 10; С. 35, 38). Верхняя граница может быть определена также благодаря параллелям в материалах этого же кавказского могильника. Еще одна аналогия подобной привеске происходит из катакомбы рубежа VII–VIII – первой половины VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 195. Рис. 120, 43). Аналогия бронзовому височному кольцу находится в комплексе могильника Мокрая Балка второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 88. Рис. 33, 3). Не противоречит этим датировкам хронология зеркала и бус. На северо-западном Кавказе такие зеркала бытовали преимущественно в VI–VII вв. (Ковалевская и др., 2006. С. 7), бусы датируются в пределах заданного хронологического интервала. Таким образом, сузить датировку погребения не представляется возможным, она находится в пределах второй половины VI – VII в.

Аналогичная ситуация складывается и для объекта 102. К числу датирующих находок из этого погребения мы относим остатки ременной гарнитуры и клинковое оружие. Как было установлено в ходе обзора сопроводительного инвентаря, время бытования этих вещей (пряжка с V-образной рамкой, U-образная щитовидная пряжка и палаш) – вторая половина VI–VII в.

Из инвентаря объекта 110 наиболее узкую датировку дает амфора – вторая четверть VI–VII в. (Сазанов, 2000. С. 224).

Наиболее поздним следует считать объект 138. Аналогии T-образной привеске нам известны лишь в комплексах могильника Дюрсо VIII–IX вв. (Дмитриев, 2003. С. 254. Табл. 87, 20; С. 245. Табл. 78, 19, 21), а бубенчики находят свои многочисленные аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 109. Рис. 57).

Инвентарь остальных погребений (серьги, бусы) не позволяет причислить их к одной из хронологических групп, поэтому они датируются в рамках середины V–VII в.

Форма и вид погребального сооружения в ходе работ на памятнике были прослежены лишь в двух случаях – это узкая яма подпрямоугольной формы. Отсутствие следов каменных конструкций позволяет полагать, что аналогичные простые ямы использовались и в остальных случаях. Все костяки расположены на спине, руки почти у всех вытянуты вдоль тулова. Погребенные были ориентированы головой в северный сектор: в пяти случаях – строго на север, в трех – на северо-восток. Одно погребение (наиболее позднее) имело восточную ориентировку. В объектах 7, 13, 38 сосуды отсутствовали. В объектах 68, 97, 102, 110 сосуды располагались в голове, 138, 139 – в ногах. Примечательно, что в случае с последними двумя погребениями расположение сосудов в ногах зафиксировано в явно разновременных захоронениях. В объекте 38 в ногах располагалась поминальная пища в виде костей животного, предположительно, козы или овцы.

Северная ориентировка является характерной чертой многих евразийских погребений Раннего Средневековья (Скарбовенко, Лифанов, 2012. С. 52; Комар и др., 2006. С. 356; Вайнштейн, 1970. С. 13, 16, 19; Комар, 2008. С. 110). Однако для Северо-Западного Кавказа такая ориентировка захоронений указанной эпохи не столь распространена. Здесь в чуть более ранний

период ориентировка в северный сектор иногда практиковалась позднемезолитским населением (Каменецкий, 1989. С. 246). Что касается раннесредневековых могильников, то на них она встречается не столь часто. Единственным синхронным некрополем, где северная ориентировка абсолютно преобладает, является могильник Елизаветинского городища № 2, поздняя группа захоронений которого датируется V–VII вв. (Пьянков, Анфимов, 2014. С. 263–266). Сходство проявляется не только в ориентировке погребенных, но и в их позах, а также в составе керамического комплекса (Пьянков, Анфимов, 2014. С. 266. Рис. 1, I).

В Борисовском могильнике из 10 ингумаций раннего периода, совершенных в простых ямах, на север-северо-восток была ориентирована 1 грунтовая могила, на северо-восток – также 1 (Саханев, 1914. С. 125). При этом следует заметить, что в северный сектор ориентировано большое количество труположений в каменных ящиках – 31 на северо-восток и 14 на север (Джигунова, 2000. С. 34), что составляет около 80% всех погребений с каменными конструкциями. В одном из ближайших погребениям с поселения Варнавинское-3 по расположению и инвентарю комплексе – могильнике Дюрсо, ориентировка на северо-запад и север суммарно представлена 11 захоронениями из 348 ингумаций раннего периода (Джигунова, 2000. С. 37). Северо-восточную ориентировку имеют 21 из 25 исследованных погребения VIII–IX вв. на могильнике Новочепшийский (Джигунова, 2000. С. 45). Во многих же раннесредневековых могильниках Западного Предкавказья северная ориентировка не встречается вовсе.

В одном из изученных погребений, объекте 138, была прослежена ориентировка головой на восток. На Северо-Западном Кавказе восточная ориентировка встречается во многих комплексах, отнесенных Ф.К. Джигуновой к группе комплексов 4 периода (вторая половина VIII – IX в.). К ним могут быть отнесены целый ряд погребений могильников Ленинохабль, Псекупский № 1, Борисово (Джигунова, 2000. С. 211, 212. Табл. 1, 2–9). Сравнению иных аспектов погребального обряда объекта 138 препятствуют плохая сохранность костного материала и отсутствие следов погребального сооружения.

Погребения с поселения Варнавинское-3 находят сходство в обряде с могильниками Северо-Западного Кавказа в позах погребенных, где

среди ингумаций преобладают одиночные погребения в вытянутом положении (Ковалевская, 1981. С. 93). Такой же вариант прослежен на могильниках Борисово, Агойский, Сопино, Дюрсо, Псекупский, Пашковский (Джигунова, 2000. С. 34–38, 42, 43).

Расположение керамических сосудов в головах погребенных, прослеженное в комплексах поселения Варнавинское-3, является типичным для многих раннесредневековых могильников, в том числе Северо-Западного Кавказа. В двух погребениях сосуды были зафиксированы в ногах костяков. Расположение сосудов в ногах погребенных в могильниках Западного Предкавказья второй половины I тыс. – довольно распространенный элемент обряда. Подобные примеры известны в Новочепшинском могильнике (погр. 16, 19, 69), могильниках Мешоко 5 (погр. 11), Губские навесы (погр. 3, 2, 1, 20), Агойский (погр. 10, 13, 17, 18) и др. (Джигунова, 2000. С. 217–222. Табл. 2). При этом расположение сосудов в ногах в рамках одного могильника сочетается с расположением сосудов в головах.

Таким образом, вещевой комплекс изученных погребений в целом сходен с другими раннесредневековыми могильниками Северо-Западного Кавказа. Однако погребальный обряд захоронений V–VII вв. не находит большого количества прямых аналогий в этом регионе. Соответствия с другими синхронными ингумационными захоронениями региона наблюдаются в позе погребенных и наличии в головах или ногах керамических сосудов.

Культурная специфика погребений поселения Варнавинское-3 определяется преобладанием ориентировки погребенных головой в северный сектор. Эта обрядовая черта в раннесредневековых могильниках Северо-Западного Кавказа массово встречается либо в ингумациях, совершенных в каменных ящиках, либо в погребениях VIII–IX вв. (Новочепшийский могильник), занимающих более позднюю хронологическую позицию относительно большей части погребений с исследованного памятника, датирующихся V–VII вв. Прямые аналогии этому компоненту погребального обряда в комплексах V–VII вв. причерноморского региона Западного Предкавказья единичны (могильники Борисово, Дюрсо). Такие черты обрядности, как северная ориентировка и расположение сосудов в голове погребенного, связывают погребения поселения Варнавинское-3 с поздней группой захоронений

Елизаветинского городища № 2, территориально сопряженных с центральной частью Западного Предкавказья.

Следует отметить, что территорию, на которой расположены перечисленные выше могильники, исследователи традиционно связывают с ареалом проживания раннеадыгского населения (Ковалевская, 1991. С. 90; Джигунова, 2000. С. 139, 141). Двупластинчатые фибулы из объекта 38 на северо-восточном побережье Черного моря, как правило, ассоциируются с готами-тетракситами, переселившимися туда ориентировочно в середине V в. и влившимися в состав местных племен (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 191). Мы же полагаем, что вопрос об этнической принадлежности исследованных на поселении Варнавинское-3 погребений является глубоко дискуссионным, главным образом, в силу небольшого количества прямых аналогий в погребальном обряде Северо-Западного Кавказа.

Авторы выражают благодарность В.И. Мордвиновой за предоставленную возможность публикации материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднееримского периода // СА. 1984. № 1. С. 104–122.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у села Лучистое. Т. 1: Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. (Боспорские исследования; Supplementum 4.) 336 с.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // *Vita antiqua*. 2003. № 5/6. С. 179–191.
- Амброс А.К.* Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. (САИ; Д1–30.) 142 с.
- Амброс А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Каде-ев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. № 1. С. 81–101.
- Анфимов Н.В.* Река Кубань // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Под ред. В.В. Гольмстейн. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 214–219.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.
- Богачев А.В.* К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 1996. С. 99–114.
- Вайнштейн С.И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения Казылганской и Сыын-Чюрекской культур). Л.: Наука, 1970 (Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции; III.) С. 7–79.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Могильники V–VII вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–VIII века. М.: Наука, 2003 (Археология СССР). С. 193–195.
- Джигунова Ф.К.* Западное Предкавказье в IV–IX вв.: Дис... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2000. 300 с.
- Дзаттиаты Р.Г.* Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI–VII вв. н.э.) // Аланы: История и культура / Ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. (Alanica. III.) С. 107–122.
- Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 52–56.
- Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–VIII века. М.: Наука, 2003. (Археология.) С. 200–206.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В., Сапрыкина И.А.* Некоторые черты погребального обряда раннесредневекового Пашковского могильника № 1 на Нижней Кубани // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVIII Крупновские чтения: Матер. Междунар. Научн. конф. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 248–250.
- Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. (Археология СССР.) С. 224–251.
- Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: Наука, 1979. (Археология СССР.) (САИ; Е1–2.) 112 с.
- Ковалевская В.Б.* Западное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. (Археология СССР.) С. 90–93.
- Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: История и культура / Ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. (Alanica. III.) С. 123–183.
- Ковалевская В.Б.* Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 1: Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.: ИА РАН, 1998. 95 с.
- Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН, 2000. (Хронология Восточноевропейских древностей V–IX веков; Вып. 2: Стекланные бусы и поясные наборы.) 363 с.
- Ковалевская В.Б., Албегова З.Х., Пьянков А.В., Евсюков А.Н.* Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // Археология и геоинформатика. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2006. CD.

- Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // *Степи Европы в эпоху средневековья: Т. 5: Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2006. (Тр. по археологии.) С. 7–244.*
- Комар А.В.* Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья второй половины VI – начала VII в. // *Сугдейский сборник. Вып. III. Киев; Судак: Академперіодика, 2008. С. 87–117.*
- Комар А.В., Куйбышев А.И., Орлов Р.С.* Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // *Степи Европы в эпоху средневековья: Т. 5: Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2006. (Тр. по археологии.) С. 245–374.*
- Мастыкова А.В.* Раннесредневековые бусы северокавказского могильника Клин-Яр III (по раскопкам В.С. Флерова) // *Практика и теория археологических исследований. М.: ИА РАН, 2001. С. 56–104.*
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.
- Покровский М.В.* Пашковский могильник № 1 // *СА. 1936. № 1. С. 159–170.*
- Пьянков А.В., Анфимов И.Н.* О поздней группе погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.) // *Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVIII Крупновские чтения: Матер. Междунар. научн. конф. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 263–266.*
- Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // *Древности Боспора. Т. 3. М.: ИА РАН, 2000. С. 221–259.*
- Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 гг. // *ИИАК. 1914. Вып. 56. С. 75–219.*
- Скарбовенко В.А., Лифанов Н.А.* Погребально-поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма 2012. Вып. 4 / Ред. – сост. М.М. Чореф. Севастополь; Тюмень, 2012. С. 44–68.*
- Хрисимов Н.* Вознесенский комплекс: Проблемы хронологии и интерпретации // *Степи Европы в эпоху средневековья: Т. 7: Хазарское время / Гл. ред. Евлевский А.В. Донецк: ДонНУ, 2009. (Тр. по археологии.) С. 9–42.*
- Gavritukhin I., Kazanski M.* Bosphorus, Tetraxite Goths, and the Northern Caucasus Region during the Second Half of the Fifth and the Sixth Centuries // *Neglected Barbarians / Ed. F. Curta. Turnhour, 2010. (Studies in the early Middle Ages; V. 32.) P. 83–136.*

NEW EARLY MEDIEVAL BURIALS FROM THE TERRITORY OF THE WESTERN CISCAUCASIA

Evgeniy V. Sukhanov, Alexey N. Sviridov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

* E-mail: sukhanov_ev@mail.ru

** E-mail: a_sviridov@mail.ru

The article publishes materials from 10 inhumation burials investigated in 2015 during the rescue excavations of the Varnavinskoe-3 settlement (Abinsky district of Krasnodar Region). The presence of dating finds makes it possible to divide the entire massif of burials into several relative chronological groups: the middle of the 5th – the first half of the 6th century; the second half of 6th – the turn of the 7th – 8th centuries; 8th – 9th centuries (with only one burial related to the last group). The cultural specificity of the burials of the Varnavinskoe-3 settlement is determined by the predominance of the orientation of the buried with their heads in the northern direction. Direct analogies to this component of the burial rite in the complexes of the 5th – 7th centuries on the territory of the Western Ciscaucasia are few.

Keywords: the North-West Caucasus, the Western Ciscaucasia, Varnavinskoe-3, the northern orientation.

REFERENCES

- Afanas'yev G.E., Runich A.P.*, 2001. Mokraya Balka [Mokraya Balka], 1. Dnevnik raskopok [Excavations diary]. Moscow: Nauchnyy mir. 252 p.
- Aksenov V.S., Mikheyev V.K.*, 2003. The burials with Crimean dishes of the Krasnaya Gorka burial ground of the Saltovo culture. *Vita antiqua*, 5/6, pp. 179–191. (In Russ.)
- Ambroz A.K.*, 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR [Buckles of the south of the USSR's European]. Moscow: Nauka. 142 p. (SAI, D1–30.)
- Ambroz A.K.*, 1989. Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V–VII vv. [Chronology of the North Caucasus antiquities of the 5th – 7th centuries]. Moscow: Nauka. 134 p.
- Anfimov N.V.*, 1941. The Kuban river. *Arkheologicheskiye issledovaniya v RSFSR v 1934–1936 gg. Kratkiye otchety i svedeniya* [Archaeological investigations in the Russian SFSR in

- 1934–1936. *Brief reports and facts*]. V.V. Gol'msteyn, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 214–219. (In Russ.)
- Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeyev V.I., Romanchuk A.I., 1971. A Chersoneses medieval amphora. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka [Antiquity and the Middle Ages]*, 1, pp. 81–101. (In Russ.)
- Aybabin A.I., 1984. Crimea cemeteries of the Late Roman period and problems of its chronology. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 104–122. (In Russ.)
- Aybabin A.I., 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol': DAR. 352 p.
- Aybabin A.I., Khayredinova E.A., 2008. Mogil'nik u sela Luchistoye [A burial ground near the village of Luchistoe], 1. Raskopki 1977, 1982–1984 godov [Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol'; Kerch': ADEF-Ukraina. 336 p. (Bosporskiye issledovaniya, Supplementum 4.)
- Bogachev A.V., 1996. On the evolution of kalach-shaped earrings of the 4th – 7th centuries in Volga-Kama region. *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. [The culture of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium AD]*. D.A. Stashenkov, ed. Samara, pp. 99–114. (In Russ.)
- Dmitriyev A.V., 1979. A burial ground of the Great Migration Period on the river Dyurso. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 158, pp. 52–56. (In Russ.)
- Dmitriyev A.V., 2003. The Dyurso burial ground – reference site of the antiquities of the 5th – 9th centuries. *Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII veka [Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th – 13th centuries]*. Moscow: Nauka, pp. 200–206. (Arkheologiya.) (In Russ.)
- Dzatiaty R.G., 1995. Clasps and belt sets of the Edyse burial ground (6th – 7th centuries). *Alany: Istoriya i kul'tura [Alans: History and culture]*. V. Kh. Tmenov, ed. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy, pp. 107–122. (Alanica, III.) (In Russ.)
- Dzhigunova F.K., 2000. Zapadnoye Predkavkaz'ye v IV–IX vv.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Western Ciscaucasia in the 4th – 9th centuries: a Thesis for the Doctoral Degree in History]. Sankt-Peterburg. 300 p.
- Gavritukhin I., Kazanski M., 2010. Bosphorus, Tetraxite Goths, and the Northern Caucasus region during the second half of the 5th – 6th century. *Neglected Barbarians*. F. Curta, ed. Turnhour, pp. 83–136. (Studies in the early Middle Ages, 32.)
- Gavritukhin I.O., P'yankov A.V., 2003. Burial grounds of the 5th – 7th centuries. *Krym, Severo-vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII veka [Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th – 13th centuries]*. Moscow: Nauka, pp. 193–195. (Arkheologiya SSSR.) (In Russ.)
- Kamenetskiy I.S., 1989. Meotes and other tribes in the north-west Caucasus in the 7th century BC – 3rd century AD. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya [Steppes of the USSR's European part in the Scythian-Sarmatia period]*. Moscow: Nauka, pp. 224–251. (Arkheologiya SSSR.) (In Russ.)
- Kazanskiy M.M., Mastykova A.V., Saprykina I.A., 2014. Some features of the funeral tradition of the early Middle Ages Pashkovskaya 1 burial ground in the lower Kuban River. *E.I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza: XXVIII Krupnovskiy chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [E.I. Krupnov and the development of archaeology of the North Caucasus: XXVIII Krupnov readings: proceedings of the International Scientific Conference]*. Moscow: IA RAN, pp. 248–250. (In Russ.)
- Khrisimov N., 2009. The Voznesenka complex: the problems of chronology and interpretation. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [European Steppes in the Middle Ages]*, 7. *Khazarskoye vremya [Khazar period]*. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 9–42. (Trudy po arkheologii.) (In Russ.)
- Komar A.V., 2006. Pereshchepino complex in the context of the main issues of the history and culture of the Eastern Europe nomads of 7th – early 8th century. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [European Steppes in the Middle Ages]*, 5. *Khazarskoye vremya [Khazar period]*. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 7–244. (Trudy po arkheologii.) (In Russ.)
- Komar A.V., 2008. Sukhanovo-type sites: to the culture of the Bulgarians of the Northern Black Sea region in the second half of 6th–early 7th century. *Sugdeyskiybornik [Sugdian Collection]*, III. Kiyev; Sudak: Akadempriodika, pp. 87–117. (In Russ.)
- Komar A.V., Kuybyshev A.I., Orlov R.S., 2006. Nomad burials of the 6th – 7th centuries from the Northwest Azov region. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [European Steppes in the Middle Ages]*, 5. *Khazarskoye vremya [Khazar period]*. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 245–374. (Trudy po arkheologii.) (In Russ.)
- Kovalevskaya V.B., 1979. Poyasnyye nabory Evrazii IV–IX vv. Pryazhki [Belt sets of Eurasia of the 4th – 9th centuries. Clasps]. Moscow: Nauka. 112 p. (SAI, E1–2.) (In Russ.)
- Kovalevskaya V.B., 1981. The Western Ciscaucasia. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [European Steppes in the Middle Ages]*. Moscow: Nauka, pp. 90–93. (Arkheologiya SSSR.) (In Russ.)
- Kovalevskaya V.B., 1995. Chronology of the antiquities of the North Caucasian Alans. *Alany: Istoriya i kul'tura [Alans: History and culture]*. V. Kh. Tmenov. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy, pp. 123–183. (Alanica, III.) (In Russ.)
- Kovalevskaya V.B., 1998. Khronologiya vostochno-evropeyskikh drevnostey V–IX vekov [Chronology of the eastern European antiquities of the 5th – 9th centuries], 1. Kamennyye busy Kavkaza i Kryma [Stone beads of Caucasus and Crimea]. Moscow: IA RAN. 95 p.
- Kovalevskaya V.B., 2000. Komp'yuternaya obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Evrazii [Computer processing of

- mass archaeological material from the early medieval sites of Eurasia]. Moscow: IA RAN. 363 p. (Khronologiya Vostochnoyevropeyskikh drevnostey V–IX vekov, 2. Steklyannyye busy i poyasnyye nabory.)
- Kovalevskaya V.B., Albegova Z. Kh., P'yankov A.V., Evsyukov A.N., 2006. Computer mapping of mass types of early medieval metal mirrors with central loop. *Arkheologiya i geoinformatika [Archaeology and Geoinformatics]*, 3. Moscow: IA RAN. CD. (In Russ.)
- Mastykova A.B., 2001. Early medieval beads of the North Caucasian burial ground of Klin-Yar III (from B.S. Flerov excavations). *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy [Practice and theory of archaeological research]*. Moscow: IA RAN, pp. 56–104. (In Russ.)
- P'yankov A.V., Anfimov I.N., 2014. On the late group of graves of the burial ground Elizavetinskaya 2 (excavations of 1978). *E.I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza: XXVIII Krupnovskiy chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [E.I. Krupnov and the development of archaeology of the North Caucasus: XXVIII Krupnov readings: proceedings of the International Scientific Conference]*. Moscow: IA RAN, pp. 263–266. (In Russ.)
- Pletneva S.A., 1989. Na slavyano-khazarском pogranič'ye (Dmitriyevskiy arkheologicheskiy kompleks) [On the Slavic-Khazar borderlands (Dmitrievka archeological complex)]. Moscow: Nauka. 288 p.
- Pokrovskiy M.V., 1936. Pashkovsky burial ground 1. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 159–170. (In Russ.)
- Sakhanev V.V., 1914. Excavations in the North Caucasus in 1911–12. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Bulletin of the Emperor's Archaeological Committee]*, 56, pp. 75–219. (In Russ.)
- Sazanov A.V., 2000. Bosphorus ceramic complexes of 570–580. *Drevnosti Bospora [Bosporus Antiquities]*, 3. Moscow: IA RAN, pp. 221–259. (In Russ.)
- Skarbovenko V.A., Lifanov N.A., 2012. Funeral-commemorative complexes of the early medieval nomads from the Eastern Azov region (based on materials of the burial grounds of Lebedy 4 and 8 excavations in 1980). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea]*, 4. M.M. Choref, ed., comp. Sevastopol'; Tyumen', pp. 44–68. (In Russ.)
- Vaynshteyn S.I., 1970. Raskopki mogil'nika Kokel' v 1962 g. (pogrebeniya Kazylganskoy i Syyn-Chyurekskoy kul'tur) [Weinstein S.I., 1970. Excavation of the Kokel burial ground in 1962 (burials of the Kazylgan and Syyn-Chyurek cultures). Leningrad: Nauka, pp. 7–79. (Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, III.)